

Г. Шломберже, чтение которой исправлено: «проедр и дука Водины и Сланицы». Это дополняет наши материалы по данной области².

Наиболее существенным моментом сигиллографических штудий В. Зайбта является выработанная им методика датировок печатей с точностью до десятилетия. Впрочем, обоснование этой методики, видимо, впереди. Пока же следует отметить уточнение дат ряда важных печатей — протоспафария и стратига Пелопоннеса Льва (Н. Вес) — вторая треть X в.; Льва — магистра и начальника вестгария (Г. Шломберже, Ф. Дэльгер — IX в.) — 70-е годы XI в.; Льва — веста, вестарха и судьи Эгейского моря (Н. П. Лихачев — начало IX в.) — 70—90-е годы XI в. и др.

Однако сигиллографическими материалами не исчерпывается источниковедческая база работы. В. Зайбтом приводятся новые данные и нарративных памятников. Так, по арабским источникам восстановлено имя отца Варды и Константина Склиров и их сестры Марии: это — Фотия (?) (арабск. — Мунир). Автором проводится отождествление арабского «Мунир» с именем Фока.

В итоге анализ данных легенд печатей, нарративных сочинений, актов позволил В. Зайбту выявить 41 лицо, имевшее (реально или предположительно) патроним «Склир», — за период с начала IX до второй половины XIV в.

Почти четверть объема книги посвящена восстановлению *cursus honorum* Варды Склира — известного полководца X в. Подробно рассматриваются сохранившиеся свидетельства о его деятельности, причем источниковедческие наблюдения позволяют подчас привлечь новые данные, как, например, рассказ Льва Дякона (163.11 сл.; ср. Скилица, 311.82) о конфликте патриарха Василия Скамандрина с императором и другими иерархами в начале 70-х годов X в.; приводятся и новые материалы печатей. Образно описана исследователем сложная судьба Марии Склирины; многие страницы ее жизни восстановлены В. Зайбтом на основе ряда идентификаций (например, Склирины — племянницы дочери Василия Склира, и Марии, упоминаемой в Пире, XV.16) и атрибуций (неизданная речь Пселла, неопубликованная надпись «Марии севасты» и др.). Список семьи Склиров, изданный А. П. Кажданом³, дополняется для XI в. двумя персонами (Панфирий, упомянутая в акте «вдова Склира»). Минимальное количество сведений о Склирах с начала XII в. позволяло ранее говорить о практическом исчезновении Склиров с этого времени. Новая работа несколько расширяет список XII в. (Роман, Анна Склирина). Среди Склиров более позднего времени для кавказоведов интересно упоминание о Дмитриии — протэкике митрополии Ζηχών (1362 г.).

Список В. Зайбта, вероятно, можно было бы расширить. Так, рассматривая сведения о неизвестной по имени дочери Василия (№ 15), которой автор приписывает упоминание в Пире (L.4) «дочери магистра Склира», он не указывает предположения Р. Гийана о наличии у Василия еще и сына⁴ (и не отводит последнему соответствующего места в списке). В книге приводится также сведение Пселла (*Scripta minora*, II, 102) о сыне Романа (ок. 1055 г.). Не следовало ли бы выделить этого представителя семьи в отдельный параграф?

Особо следует остановиться на методической стороне работы австрийского исследователя. Построение биографий многих членов фамилии Склиров основано на широких отождествлениях. Так, сыну Романа Василию приписываются два упоминания Пир о Склирах (XV.14; LXV.15), относимые ранее к двум разным лицам, отличным к тому же от сына Романа. Многочисленные свидетельства второй половины XI в. о Склирах с преномом Роман объединены в биографии брата Марии Склирины. То же самое можно сказать и о Склирах второй половины XI в. с именем Николай, сведения о которых отнесены одному лицу. Личность Андроника Склира (рубеж XI—XII вв.) «восстановлена» путем отождествления данных об известном севасте и о протовелелисме, логофете дрома. Подобные идентификации нередко проводятся *ohne Zweifel* (S. 79, 96 и др.), хотя существуют и противоположные им мнения.

Столь же категорично постулируется и армянское происхождение Склиров, которое к тому же оказывается одной из исходных посылок некоторых атрибуций, например, связи Склира — сопровителя эмира Мелитины в середине IX в. — с событиями павликианского движения или отнесения к фамилии Склиров анонимного митрополита одного из писем Фотия.

М. В. Бибииков

M. A n g o l d. A Byzantine Government in exile. Government and Society under the Laskarids of Nicaea. 1204—1261. Oxford University Press, 1975, XX+332 p.

Монография Майкла Энголда посвящена Никейской империи. Автор, однако, сознательно отказывается от рассмотрения политических событий этого времени — исключение сделано только для узурпации Михаила Палеолога (с. 63—80). В центре

² Koder J., Hild F. *Hellas und Thessalia*. [Tabula Imperii Byzantini, Bd. I]. Wien, 1976, S. 67.

³ Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975, с. 75—82, 135.

⁴ Guillard R. Contribution à la prosopographie de l'Empire byzantin. — ЗРВИ, 13, 1971, p. 16 sq.

внимания Энголда — политический строй и администрация: именно административная система была, по его мнению, одной из основных сил, способствовавших внутренней прочности Византийской империи (с. 10). Но вместе с тем — и это чрезвычайно показательно для современного состояния западного византиноведения — административно-политическая структура рассматривается Энголдом в тесной связи с экономической (с. 87—120) и социальными отношениями (с. 121—143). Автор опирается прежде всего на материал картулярия Лемвийского монастыря близ Смирны, привлекая также и иные источники — документальные и нарративные. Несмотря на известные повторения, книга отличается четкостью мысли, и ее основные выводы легко могут быть сформулированы.

Прежде всего заслуживает внимания неоднократно повторяемая Энголдом мысль о том, что экономическое, социальное и административно-политическое развитие Никейской империи было продолжением тех тенденций, которые наметились в Византии при Комнилах и которые были прерваны Андроником I и Ангелами (с. 60 и сл., ср. с. 242, 295). Парадоксальность этой мысли не сразу бросается в глаза, и тем не менее она парадоксальна: в самом деле, мы привыкли считать, что катастрофа 1204 г. явилась поворотным пунктом в истории Византии, — оказывается, что эта оценка по меньшей мере односторонняя и что в хозяйственном, социальном и административном смысле период между 1081 и 1261 гг. (за вычетом последней четверти XII в.) выступает довольно однородным, несмотря на очевидное различие политических судеб Комниновской Византии и Никейской империи. Мысль эта, выдвинутая еще английским нумизматом М. Ф. Хенди, показавшим, что традиции монетного дела XII в. сохранились при никейских императорах¹, может оказаться продуктивной, и это, кстати сказать, может привести к пересмотру традиционной периодизации византийской истории.

Энголд рассматривает, далее, Никейскую империю как процветающее государство. Эта идея сама по себе не нова, однако с ней связаны два чрезвычайно существенных вопроса, на которые Энголд дает оригинальные ответы. Эти вопросы: во-первых, чем обусловлено процветание Никейской империи и, во-вторых, почему оно обрывается, как только никейским правителям удалось выполнить свою «сверх-задачу» отвоевания Константинополя?

По мысли Энголда, императоры династии Комнинов, а вслед за ними никейские Ласкариды сумели добиться такой ситуации, когда интересы императорского правительства и аристократии совпали. «Крупные земельные собственники, — подчеркивает Энголд, — не только более всех оказались в выигрыше от восстановленного в западных областях Малой Азии процветания, но именно они и были тем элементом, который главным образом осуществлял перестройку деревни» (с. 108). Он считает возможным говорить о «феодализации» Византийского государства, начинающейся еще в IX в. и проявляющейся внешне в том, что «крупное поместье становится основой организации сельского общества»; причем если первоначально имперское правительство пыталось помешать этому развитию, то с XI в. оно приспосабливается к росту крупного поместья (с. 121). Государство раздает земли и передает частным лицам элементы публичной власти, в том числе привилегированные владения и иммунитеты (с. 129). Широкое использование проний для обеспечения администрации и армии Энголд считает нововведением никейского времени; при этом он понимает под пронией «пожалование налогов и служб, которыми обязано было население определенного района», равно как и иных прав, принадлежащих государству (с. 125, ср. 192, 217—220, 278). Хотя термин «харистикия» и не встречается после 1204 г., в действительности институт передачи монастырских владений светским лицам продолжал существовать, частично в форме назначения эпитропов в императорские монастыри (с. 54 и сл.). Энголд не только признает наличие разного рода близких к феодальным институтам, но и допускает ухудшение правового статуса париков в XIII в. (с. 138). Однако равновесие сил нарушено еще не было: императорское правительство сохраняло известный контроль за переданными частным лицам правами и доходами (с. 141, ср. с. 181—226, 234); свободное население приграничных районов пользовалось привилегиями (с. 101); общины сохраняли значительную автономию (с. 261—264). Феодальные черты постепенно окрашивали весь облик никейского общества: Энголд обращает внимание на проникновение ордалий в судебную практику (с. 172), на перестройку поместных описей по частнопровому принципу (с. 209), на возникновение элементов двусторонних отношений между сувереном и подданным (с. 74, ср. 85, 295). Большое внимание автор уделяет установлению эпителии, в чем находило проявление превращение публичноправового института в частнопровую (с. 230); здесь можно было бы пойти дальше и показать, что установление эпителии означало замену продажи земельного участка актом инфеодализации: земля продавалась, но ее новый владелец оказывался обязанным рентой по отношению к прежнему; далее, следовало бы подчеркнуть отсутствие линейной зависимости между размером земли и эпителией, что как раз типично для феодальной ренты. Напротив, Энголд — вопреки цифрам — старается утвердиться в мысли об эквивалентности и «рациональности» эпителии (с. 231 и сл.), подобно тому как в другом месте отстаивает тезис об «относительной

¹ См. *Hendy M. F. Coinage and Money in the Byzantine Empire 1081—1261*. Washington, 1969.

стабильности» цен на землю — при нестабильности их на оливковые деревья (с. 106 и сл.).

Административная структура Никейской империи соответствовала общественным порядкам «феодализирующегося» общества. Энголд намечает такие тенденции, как упрощение бюрократической системы и приобретение государственным аппаратом патримониальных черт (с. 151—181), превращение императорской «дружины» в ядро армии (с. 186, 201), превращение царского вестярия в основное звено фискальной организации (с. 204). Но феодализация на этом этапе не означала ослабления государственного аппарата, — напротив, как это ни парадоксально, феодализация при никейских императорах (как и при Комнинах) сочеталась с упрочением государственного аппарата и усилением его контроля за деятельностью местных органов (с. 235). Итак, если наблюдения Энголда верны, можно сделать следующее заключение: упрочение Никейской империи было результатом феодализации страны, в частности, перестройки на феодальный лад ее административно-политической структуры.

Но, полагает Энголд, «сбалансированные» отношения между государством и аристократией продолжались недолго. Они стали нарушаться уже при Феодоре II и особенно при Михаиле VIII. Энголд подчеркивает, что причина нарушения равновесия лежит не в личных свойствах тех или иных правителей, но в самой природе византийской общественной структуры. «Сплоченность общества и здоровое состояние провинциальной администрации были подорваны ростом власти крупных фамилий» (с. 295, ср. с. 79). В отличие от рассмотренных выше мыслей Энголда этот тезис лишен какой бы то ни было парадоксальности и прекрасно совпадает с традиционными суждениями о «гибельности» феодальных порядков для централизованного государства. Он поэтому кажется наиболее правдоподобным, и тем не менее именно он оказывается в явном противоречии с собранным самим же Энголдом фактическим материалом. Напомню еще раз, что согласно Энголду, крушение никейской «сбалансированной» системы приходится на время правления Михаила VIII. Михаил Палеолог по своему происхождению принадлежал к аристократическим фамилиям империи, и это должно, как будто бы, подкрепить представление о разрушительной роли феодальных сил. Однако присмотримся к конкретной политике Михаила, как ее обрисовал Энголд. Сразу же после смерти Феодора II Георгий Музалон выдвинул совершенно новый принцип, предложив создать аристократическую ассамблею, перед которой должно было быть ответственным правительство регента, — Михаил, напротив, отстаивал традиционные основы неограниченной монархии (с. 80 и сл.). Михаил вернулся к старому принципу формирования армии (с. 185, 191), отказался от назначения высших придворных на фискальные должности, передавая их людям незнатного происхождения (с. 235). Палеологи не смогли создать здоровую провинциальную администрацию во Фракии и Македонии — в отличие от никейской административной системы в Анатолии (с. 295), а само отвоевание Константинополя (т. е. восстановление универсалистских тенденций) было гибельным, как это предсказывал еще протаскрит Сенахерим (с. 296). Иначе говоря, если феодализационные процессы действительно способствовали укреплению Византийского государства как при Комнинах, так и при Ласкарях, то причины неудач Ангелов и Михаила VIII следует, скорее всего, искать в их попытках вернуться к старым принципам управления, которые были эффективными в X столетии, но, по всей видимости, уже не отвечали ситуации, сложившейся в XII—XIII вв.

А. К.

Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit, 1. Faszikel. Erstellt von E. Trapp, unter Mitarbeit von R. Walther und H. V. Beyer, mit einem Vorwort von H. Hunger. Wien, 1976, 18* +163 S.

Византиноведение имеет в своем распоряжении удивительно малочисленную литературу сводного характера, будь то «корпусы» (печатей, надписей, монет и т. п.), словари или справочники. Обилие материала источников (в сравнении с греко-римскими древностями), частью еще остающихся неизданными, в какой-то степени объясняет, хотя и не извиняет это отсутствие. Античники успели выпустить или хотя бы начать выпускать подобные сводные издания еще в ту пору, когда техника исторического исследования не предъявляла к исследователю таких требований акрибичности, какие никто не в состоянии удовлетворить: историки XIX в. были смелее и понимали, что отважная неполнота — залог последующей полноты. Мы стали более робкими: мы больше боимся допустить ошибку, нежели оставить незаполненными зияющие лакуны. Грандиозное стремление идти в ногу с веком, отразившееся, в частности, в замысле «Реального лексикона» (см. ВВ, 33, 1972, с. 34 и сл.), застопорившегося всего-навсего на статье «Abendland», очень показательно — не лучше ли было начать с небольшого, неполного, но практического и осуществимого издания?

«Просопографический лексикон Палеологовского времени», выпускаемый Комиссией по византистике при Австрийской Академии наук, — истинное дитя XX столетия со всеми отличительными чертами современной гуманитарной науки, стремящейся подражать наукам естественным: он плод коллективного творчества (Э. Трапп перечисляет в предисловии ряд лиц, участвовавших или помогавших составлению грандиозной картотеки, которая должна была предшествовать Лексикону), и даже